

ВОЛШЕБНЫЕ СОТЫ ТВОРЧЕСТВА

Народному артисту СССР
Донатасу Банионису — 60 лет

Не следует пропускать случай сказать о человеке правду. Не надо стесняться слов добрых и возвышенных, если для этого есть повод.

О Донатасе Банионисе много написано статей и даже монографий. Его знают и любят. Трудно представить большую популярность, чем та, которой пользуются киноактеры. Может быть, только труженики неземной профессии, скажем, космонавты, могут спорить с ними. Популярность киноактера рождается публичностью его труда. Он работает и живет в образе прямо перед тобой, в огромном зале, на сверкающем полотне экрана, на котором видны зрачки его глаз, движение ресниц и складки мельчайших морщин. Его знают в лицо, знают голос, всем подчас известны детали его личной жизни. Часто самые неправдоподобные.

Я прошел с Банионисом почти весь свой путь кинорежиссера и писателя. Память не сохранила миг нашего знакомства. Он как-то незаметно вошел в мою жизнь и остался там навсегда, переплетаясь в моем сознании с созданными им персонажами из фильмов и спектаклей.

Человеку познать человека постоянно мешает трудность отбора главного от второстепенного. Сегодня, думая про Баниониса, хочу повторить слова, которые я раз уже писал о нем: «...Его породил изнуравший труд над материалом и над своим талантом. Он отлично усвоил истину, что талант сам по себе только трамплин, только основа, что к таланту в подспорье нужны еще воля, характер, твердость, граничащие с самозабвением. И чем больше талант, тем больше требуется этой твердости, если хотите, жесткости к себе.

Банионис заставил характер работать на пользу таланту. Это стало залогом успеха. Успеха, который шел к ныне популярнейшему актеру не спеша».

Про Баниониса никак не скажешь: он в один прекрасный день проснулся знаменитым актером. Он, как пчела, лепил соты и набирал волшебный мед изо дня в день долгие годы своего театрального труда. Двадцать лет тому назад в одно и то же время появились фильм «Хроника одного дня» и спектакль «Смерть коммивояжера» с Банионисом в главной роли. Я смотрел спектакль не меньше десяти раз. Образ, созданный им, я осмелюсь назвать шедевром театрального искусства. Каждый раз он заставлял изумляться тем, как беспрерывно продолжается работа над ролью, уже законченной, признанной, вроде бы законченной. Выходя на сценический помост, как позже и на киносъемочную площадку, он говорил вслух себе: «Не знаю... не знаю... не знаю, как сегодня играть».

Может, он и вправду не знал? Как мы не знаем и никогда не узнаем, что у него там внутри, в душе, какой там выбор, какой величины палитра чувств, которой он располагает. Как истинный художник, он постоянно мучал себя этим незнанием, пробуждая в себе новую духовную и творческую энергию для каждого следующего спектакля. Роль каждый раз создавалась как будто заново, в таинстве сценического пространства, как потом он заново будет играть дубли на киносъемке, дубли, не похожие друг на друга, когда слышишь одни и те же слова, видишь те же самые движения, а перед тобой каждый раз другой человек.

Я так долго остановился

на спектакле «Смерть коммивояжера», потому что он принципиален для всего творчества Баниониса. Это начало его виртуозной зрелости. Сила его в способности создавать мощный, глубокий образ, который поражает тебя в итоге. Поражает и через какое-то время воскрешает в твоей памяти все подробности характера, которые вылеплены с ювелирной точностью. Банионис воспроизводит величие человеческой души и разума.

Одно время Баниониса называли «интеллектуальный актер». Может быть, оно и так. Но Банионис актер глубоко чувствующий, лепящий образ «вовнутрь». Он строит психоинтерьер души. Строит лабиринт познания. Некоторые его роли на экране, например, в фильме «Солярис», до конца прочтываются лишь со второго-третьего раза. При всей простоте и демократичности его искусства Банионис не делает скидку на неподготовленного зрителя. Он постоянно в поиске оптимального результата.

Сыграл он много ролей и в театре, и в кино. Вряд ли он сам мог бы перечислить все по порядку без бумажки. Играл он великих художников и простых крестьян, разведчиков и президентов. Перевоплощение не требует от него каких-либо психологических переустройств. Его внешность — внутри. Его лицо — внутри. Оно соткано из большого понимания жизни и знания человека. Чувства его всегда современны.

Донатас про работу говорит редко и немногословно. Его творческое «я», его актерская лаборатория скрыты от постороннего взгляда. Это его тайна. Может быть, художник и не должен говорить про свое нутро, которое является лишь мате-

риалом для строительства чужих судеб и неведомых миров. Может быть, портрет самого художника, который все силы, умение и талант отдает для того, чтобы как можно подробнее и точнее нарисовать облик чужой души, может быть, лицо самого художника и, право, должно оставаться в тени.

Мы много работали вместе, много путешествовали, много соли, как говорится, съели. Не раз я писал о его творческом пути. Это человек огромного личного обаяния (что немаловажно в актерском деле), редкой энергии и выносливости, способен работать и мучаться во имя того волшебного меда, который художник всю жизнь собирает по крошке в окружающем его мире с одной-единственной целью — поделиться им с другим человеком, сказать ему, что, так или иначе, жизнь человека прекрасна, ибо она неповторима.

Витаутас ЖАЛАКЯВИЧЮС,
народный артист РСФСР,
лауреат Государственной
премии СССР.

ВИЛЬНЮС.